

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Кафедра общего и славянского языкознания
Кафедра речевой коммуникации

**ПРОБЛЕМЫ
ДИНАМИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Л.Н.МУРЗИНА
(Пермь, 12-14 мая 2010 г.)

Пермь 2010

УДК 81'1
ББК 81
П 78

П 78 Проблемы динамической лингвистики: материалы Междунар. научн. конф., посвящённой 80-летию профессора Л.Н.Мурзина (Пермь, 12-14 мая 2010 г.) / отв. ред. В.А.Мишланов. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. – 532 с.

ISBN 978-5-7944-1546-9

Сборник содержит доклады и сообщения, прозвучавшие на международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Л.Н. Мурзина. В публикуемых материалах затрагивается широкий круг проблем, так или иначе связанных с дериватологией, с динамическим подходом к языку. В первой части сборника помещены статьи, посвященные проблемам синхронной динамики языка: деривационным аспектам синтаксиса, механизмам развертывания связного текста, вопросам лексической деривации. Во второй части сборника публикуются статьи, в которых исследуются деривационные аспекты истории языка и диалектологии, обсуждаются вопросы взаимосвязи языка и духовной. Последующие разделы занимают материалы докладов, тематика которых связана с проблемами изучения функционирования языка в разных сферах общения, а также статьи, относящиеся к теории речевой деятельности и к когнитивной лингвистике. Завершается сборник статьями, посвященными проблемам межкультурной коммуникации, переводоведения, вопросам лингводидактики и методики преподавания и

Статьи публикуются в авторской редакции (в ряде случаев, когда объем приланных материалов значительно превышал установленные границы, редколлегия сочла необходимым незначительно их сократить).

УДК 81'1
ББК 81

Печатается по решению Редакционной коллегии конференции

Редакционная коллегия: доктор филол.наук Е.В.Ерофеева, доктор филол.наук Т.И.Ерофеева, Е.П.Карзенкова, доктор филол.наук В.А.Мишланов (отв.редактор), доктор филол.наук С.Л.Мишланова, кандидат филол.наук С.Ф.Плясунова

ISBN 978-5-7944-1546-9

(С) Пермский государственный
университет, 2010

аспекты деривации. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982.

Насилов Д.М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976.

Невская И.А. Деепричастие на -и как компонент осложненного и сложного предложения в шорском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1988.

Недялков В.П. Заметки по типологии двупредикатных конструкций (опыт исчисления) // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979.

Недялков В.П. О типологии конструкций с предикатными актантами // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Л., 1981.

Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

Панфилов В.З. Языковые универсалии и типология предложения // ВЯ, 1974, №5.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Подлесская В.И. О семантической структуре канго // Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: Проблемы сложных слов. М., 1985.

Прияткина, А.Ф. Некоторые принципы синтаксического анализа (на материале русского языка) // Уч. Зап. ДВГУ. Вып. 5. 1962.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Салим А., Оглоблин А.К. Фазовые и модальные конструкции в индонезийском языке // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.

Сахарный, Л.В. Словообразование как синтаксический процесс // Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

Скорик П.Я. Грамматические категории и структурный тип языка (на материале инкорпоративных языков) // Типология грамматических категорий. М., 1975.

Харитонов, Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. — М.-Л., 1969.

Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Щерба Л.В. О тριάком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щур С.Г. Теория роля в лингвистике. М., 1974.

Юлдашев, А.А. Деепричастие на -и в башкирском языке / Тюркологические исследования. — М., 1976.

Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.

Яковсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Н.И.Пушина (Ижевск)

ДЕРИВАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Английский глагол в его широкой интерпретации, позволяющей создать о глаголе более целостное представление, обладающей преимуществами системного подхода и связываемой с разграничением центра (ядра) и периферии в глагольной системе, заполняемыми личными формами, которым присущи те же признаки, что и глаголу как части речи

и неличными формами глагола (инфинитивом, причастием, герундием) с их частеречной неоднородностью и непредикативным характером, обладает значительной парадигмой залоговых конструкций, образуемых как личными, так и неличными формами.

В языках, подобных английскому, противопоставление неличных форм глагола личным определяется как сильное-морфолого-синтаксическое (в противовес слабому – чисто синтаксическому), поскольку неличные формы глагола сочетают глагольные грамматические характеристики с характеристиками других частей речи – глагола, имени прилагательного, существительного, наречия [Сильницкий 1990]. Однако такое противопоставление должно быть, по-видимому, достаточно гибким, поскольку различные системы (подсистемы), стремясь к индивидуализации, сохраняют между собой связи постоянного характера, которые позволяют переходить от одной системы (подсистемы) к другой [Гийом 1992].

Подход к категории залога как семантической категории глагола позволяет рассматривать деривационную историю залоговых конструкций с позиций семантического деривационного синтаксиса. В таком случае залоговые конструкции в большинстве своем являются результатом пассивной деривации, выделяемой в системе синтаксической деривации, и относящейся к ее конверсному типу, представляющему собой внутренние преобразования заданного предложения (конструкции), его грамматическую перестройку, в результате которой лексические компоненты как бы меняют свои синтаксические места, грамматически уподобляясь друг другу – *Плотники строят дом* → *Дом строится плотниками* [Мурзин 1984: 27]. Помимо конверсии в синтаксической деривации выделяются контаминация (слияние двух предложений, одно из которых оказывается в позиции другого) и компрессия (устранение информационно излишних компонентов в структуре предложения и соответственно, уменьшение его объема при сохранении прежней информации), противопоставляемые по нескольким признакам. Так, контаминация противопоставляется конверсии на основании того, что предлагает два исходных предложения, а не одно; контаминация и конверсия сопровождаются грамматическим преобразованием исходных предложений, компрессия может обходиться без них. Вследствие контаминации увеличивается объем предложения, а вследствие компрессии – уменьшается, конверсия безразлична к этому признаку [Мурзин 1984: 27].

Основной круг проблем, рассматриваемых синтаксической деривацией, формулируется следующим образом: 1) выделение синтаксической парадигмы глагола, то есть множества исходных и производных структур, образуемых этим глаголом; 2) выявление

критериев классификации структур с точки зрения их исходности и производности; 3) определение путей перехода от исходных структур к производным.

Указанные проблемы получают своеобразное решение в пассивной деривации, основывающейся на универсальной теории залога А.А.Холодовича [Холодович 1979]. Основу концепции А.А.Холодовича, в противовес чисто логическим и чисто формальным интерпретациям залога, составляет понятие соответствия единиц двух уровней – синтаксического и семантического. Между элементами этих двух уровней существуют одно-однозначные отношения, которые выражаются в том, что субъекту на семантическом уровне соответствует подлежащее, объекту – прямое дополнение, адресату – косвенное дополнение и т.д. Структуры, учитывающие изоморфизм иерархии семантических актантов и иерархии синтаксических актантов, при обозначении всех партиципентов актантами, являются исходными структурами исходного (активного) залога. Производные структуры есть результат нарушения изоморфности отношений партиципентов и актантов, выражающийся в том, что партиципанты обозначаются не теми членами предложения, что в исходной структуре, а также могут вообще не иметь лексического выражения. Эти структуры называются производными структурами производного залога. Сдвиг в соответствии членов семантической и синтаксической структуры, свидетельствующий о залоговом преобразовании, сопровождается маркировкой в глаголе.

Классифицируя структуры с точки зрения их производности, необходимо учитывать следующие особенности: производные в залоговом отношении структуры образуются одной и той же глагольной лексемой, что и исходная, вследствие выражения ими одной и той же ситуации, которая задается одним и тем же глаголом; залоговые преобразования осуществляются на уровне актантов и, как правило, не затрагивают более низкого уровня атрибутов и сирконстантов, не участвующих в толковании ситуации. Эти требования предъявляются любой залогово производной структуре, в том числе и пассивной производной структуре, основной особенностью которой является то, что субъект не занимает позиции подлежащего и получает статус какого-либо другого члена предложения. В ряде случаев субъект не занимает никакой синтаксической позиции и, таким образом, не имеет специальной репрезентации в синтаксической структуре.

Как показывают исследования, залоговые преобразования в различных языках имеют свои особенности. Рассматривая этнокультурный потенциал залоговых пассивных конструкций, Л.А.Козлова приводит факторы структурно-семантического порядка, значительно расширяющие использование глагольных пассивных конструкций в английском языке по сравнению, например, с русским и обуславливающие значительно

большую частотность употребления в английском языке форм пассивного залога. Это прежде всего то, что переходность в английском глаголе, обеспечивающая возможность пассивизации, оказывается более широкой категорией и охватывает более широкий круг глаголов, чем в русском языке, в английском языке к числу переходных глаголов относятся глаголы не только с беспредложным, но и предложным дополнением, которое также может стать подлежащим пассивной конструкции – *The film was much spoken about*. В этой связи, как отмечает автор, исследователи проводят дифференциацию глагольных предложных конструкций и выделяют особую группу глаголов с ингерентными предлогами – предлогами, без которых глагол не может полностью реализовать свое лексическое значение. Именно такие глаголы участвуют в пассивизации, а потому относятся к числу транзитивных [Козлова 2009:116-117; Dixon 1991:270]. Помимо этого, как известно, подлежащим пассивной конструкции в английском языке может стать не только прямое, но и косвенное дополнение. Например, в русском языке, как и во многих других, в пассивном предложении позицию подлежащего может занимать только тот участник, который в соотносительном активном предложении занимал позицию прямого дополнения – *Водитель открывает дверь* → *Дверь открывается водителем*. В то же время в английском языке у некоторых глаголов позицию подлежащего в пассивном предложении может занимать и тот участник, который в соотносительном активном предложении занимал позицию косвенного дополнения: *Mary gave the book to John* – *Мэри дала книгу Джонсу* → 1) *The book was given to John (by Mary)* – *Книга была дана Джонсу*; → 2) *John was given the book (by Mary)* – *Джон – тот самый, кому книгу дала Мэри*. Конструкции такого типа называются конструкциями косвенного залога. В отдельных случаях позицию подлежащего в пассивной конструкции может занимать и обстоятельство места, употребление которого в качестве подлежащего, по мнению Л.А. Козловой, сопряжено с модификацией семантики как самого глагола, так и обстоятельства места, которое в таких употреблениях указывает не столько на место действия, сколько на объект, используемый для определенных целей. Например: *It has also, like all land that has never been worked on or lived on, its mysteries, its shadows, its dangers* (Fowles). Данное предложение может быть интерпретировано следующим образом: *... the land that has never been used for working on or living on...* [Козлова 2009: 116].

Как отмечалось ранее, парадигма английских залоговых конструкций заметно расширяется за счет включения в систему глагола неличных форм глагола. При этом учитывается зависимый характер неличной формы от личного глагола и то, что в результате сочетания личного глагола и неличной формы образуются полипредикативные комплексы, в которых соотнесены два ряда категорий, связанных с личным глаголом и неличной

формой глагола [Пушина 2000]. Кроме того, в рамках исследуемого вопроса особый интерес представляют те залоговые конструкции, образуемые неличными формами глагола, которые имеют определенную конверсную деривационную историю, то есть являются производными конструкциями от соответствующих активных исходных конструкций. При этом необходимо иметь в виду, что залоговые преобразования неличной формы глагола могут затрагивать как только фрагмент предложения, который образован неличной формой глагола, так и все предложение целиком. В связи с этим необходимо исследовать не только синтаксические изменения, происходящие внутри фрагмента, но и те, которые затрагивают все предложение. Описание синтаксических изменений, имеющих место в процессе пассивных преобразований неличных форм, требует учета следующих факторов: 1) осуществляются ли пассивные преобразования только в рамках оборота с неличной формой глагола, придаточного предложения, которое заменяет оборот неличной формы глагола, в производной структуре или оно затрагивает структуру всего предложения; 2) какой элемент исходной структуры из числа синтаксических актантов неличной формы глагола меняет свою позицию в производной структуре (таким элементом оказывается дополнение, главным образом прямое, зависимое от неличной формы глагола; 3) что происходит с подлежащим, дополнением к сказуемому всего предложения исходной структуры (изменяют свой синтаксический статус или удерживаются в производной структуре); 4) какова маркировка глаголов: спрягаемого и неличной формы глагола [Пушина 1989: 25]: *The captain ordered the sailors to load the cases.*

→ 1) *The cases were ordered (by the captain) to be loaded (by the sailors).*

→ 2) *The captain ordered the cases to be loaded (by the sailors).*

→ 3) *The captain ordered that the cases be loaded (by the sailors).*

→ 4) *It was ordered (by the captain) that the cases be loaded (by the sailors).*

Так, выделяются каузативные пассивные конструкции с инфинитивом: 1) *Sir Hercules ordered that the beast should be chained up in the stable yard* [Huxley]; *Mr Radley insisted that Boo not be charged with anything*; 2) *He ordered breakfast and newspapers to be sent up to his room* [Puzo]; 3) *It was ordered (by him) that breakfast and newspapers be sent up to his room.*

Данные конструкции отмечаются в условиях фактитивной, непринудительной речевой каузации: *Thus they recommend that writing activities be conducted in a classroom atmosphere* [English Journal]; в условиях фактитивной, принудительной речевой и неречевой каузации: *She opened the door, called to Edith, her maid, gave her the parcel and directed that it should be taken to the post at once* [Christie]. *The customers demanded that it (ice cream) be mixed with soda water, and the ice cream soda was invented* [Exclusively Yours].

Образование залоговых модальных конструкций: *...things can be arranged long before there is any hue and cry [Christie]; ...you mustn't be mixed up in this part of it [Christie]; But it has to be dealt with [Crichton]* – сопровождается определенными содержательными сдвигами – общесодержательными, связанными с изменением восприятия одной и той же ситуации говорящим (что характерно для всех типов залоговых конструкций личного и неличного глаголов) и интенциональными изменениями, сдвигами в содержании модального глагола. Такие сдвиги являются вторичными по отношению к сдвигам общесодержательного характера и могут быть связаны либо с изменением значения модального глагола, либо только с изменением ориентировки значения модального глагола. В таких случаях значение модального глагола переориентировано на объект глагольного действия. Содержательные сдвиги, связанные с изменением значения модального глагола в пассивных конструкциях, не охватывают всех значений модальных глаголов, а распространяются только на те значения, которые характеризуют субъект с точки зрения внутренне присущих и осознанных им качеств. Изменения указанного типа касаются в ряде случаев модального глагола *can*, при котором значение физической способности субъекта меняется на значение возможности: *He can lift a Mack truck with his bare hands [McBain]. → A Mack truck can be lifted (by him) with his bare hands.* Факт тесного взаимодействия способности и возможности, по-видимому, обусловлен отношением импlications, связывающим эти два понятия. Способность, очевидно, может рассматриваться в качестве внутренней причины, вызывающей возможность; в свою очередь возможность, вызванная внутренними причинами, реализуется как способность.

Выделяются случаи ступенчатой деривации в абсолютных причастных оборотах - *Blackburn was a few paces away, a cellular phone pressed to his ear [Crichton] – Blackburn was a few paces away and he pressed a cellular phone to his ear – Blackburn was a few paces away and a cellular phone was pressed (by him) to his ear* – Blackburn was a few paces away, a cellular phone pressed to his ear; в конструкциях с причастием II в функции постпозитивного определения, герундиальных конструкциях, симметричных /асимметричных конструкциях с инфинитивом: *He came to a halt to read a tablet erected on a grave contemporary with several other near it [Christie]; ← He came to a halt to read a tablet which smb had erected on a grave. → He came to a halt to read a tablet which had been erected on a grave... Joyce said that he had seen a murder committed [Christie]; ← ... smb committed a murder. → ... a murder which was committed (by smb).*

Особого внимания заслуживает факультативность и элиминация агентивного дополнения в структуре залоговой пассивной конструкции. Так, Л.А.Козлова отмечает, что употребление безагенса пассива составляет до 85% всех пассивных конструкций, при этом в качестве ведущих обуславливающих такое употребление факторов приводятся факторы этносоциокультурного характера, значительный прагматический потенциал пассива. Имеет место деперсонализация высказывания, операция, в глубинной основе которой лежит ментальная операция

дефокусирования, или подавления агенса действия. При осуществлении данной операции говорящие могут руководствоваться самыми различными целями: уход от ответственности, выстраивание властных отношений, представление заведомо ложной информации, желание завуалировать истинные намерения и т.д. [Козлова 2009: 117, Berk 1999: 12; Ирисханова 2007: 75]. Нередко прямое указание на агенса действия представляется говорящему нежелательным с учетом социокультурных норм поведения, принятых в обществе, в частности, с учетом фактора вежливости. Отмечая данный факт, И.А.Зимняя высказывает мысль о том, что высокая частотность употребления безагенсного пассива может быть связана с определенными нормами викторианской эпохи, предписывающих сдержанность суждений, отстраненность, неявную эксплицированность мысли. В этом случае безагенсный пассив представляет собой «способ уклонения от прямого наименования субъекта действия, продиктованный особенностями этносоциокультурных норм поведения в обществе» [Зимняя 1993: 56]. Именно в таких случаях используется пассивная конструкция без указания на субъекта действия, который умалчивается либо из вежливости, либо в целях уклонения от ответственности за действия, о которых идет речь.

Учитывая указанные обстоятельства, необходимо отметить и то, что данные исследований функционирования залоговых пассивных конструкций в текстах различной типологии, в частности, в научных, научно-популярных, публицистических и т.д. свидетельствуют о преобладании двучленных безагенсных конструкций в сравнении с трехчленными, содержащими указание на агенса действия, в силу избыточности информации об агенте действия, поскольку основной особенностью залоговых конструкций является сфокусированность действия личного или неличного глагола на объекте действия, а не на его исполнителе.

Итак, рассматриваемая нами деривационная история английских залоговых конструкций, образуемых личными и неличными глагольными формами, свидетельствует о том, что данные конструкции чаще всего восходят к активным конструкциям и являются результатом их преобразований. При этом следует иметь в виду, что залоговые конструкции неличных форм глагола (инфинитива, причастия, герундия) имеют более сложную (многоступенчатую) деривационную историю по сравнению с конструкциями личного глагола. В тех случаях, когда исходная (активная) конструкция однозначно не идентифицируется и отсутствуют деривационные следы, которые могли бы указать на начало процесса деривации – процесса образования залоговой конструкции, неизбежен вывод о том, что, по-видимому, такая залоговая конструкция имеют иную, не-конверсную историю образования.

Литература

- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 51–59.
- Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и фигуры дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007. С. 69–80.
- Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. Барнаул, 2009.
- Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Коспект лекций. Пермь, 1984.
- Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола. Ижевск, 2000.
- Пушина Н.И. Проблемы семантического деривационного синтаксиса. Учебно-методическое пособие по спецкурсу. Ижевск, 1989.
- Сильницкий Г.Г. Понятие восходящей и нисходящей валентности и их роль в дифференциации неличных форм глагола // Типология и грамматика. М., 1990. С. 118–125.
- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Berk L.M. English Syntax. From Word to Discourse. Oxford University Press, 1999.
- Dixon M.R. W. A New Approach to English Grammar, on Semantic Principles. N.Y.: Clarendon Press, Oxford University Press, 1991.

Р.И.Розина (Москва)

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА: СТИЛИСТИКА И СЕМАНТИКА⁴

Существует распространённое мнение о том, что использование отглагольных имен – характеристика книжной речи.

Задача данной статьи – проверить, так ли это, ответив на вопрос, наследуется ли отглагольными именами стилистическая окраска и семантика мотивировавших их разговорных и сленговых глаголов русского языка мотивированными именами.

Отглагольным именам посвящена огромная литература (см. напр., библиографию в работах [Пазельская 2003; Цзян Чжан 2007; Rozwadowska 1997]). Однако отглагольные имена, производные от разговорных и сленговых глаголов, не рассматривались в работах, посвящённых номинации, за исключением статьи: [Розина 2008]. В ней анализируются модели, по которым образованы разговорные отглагольные существительные, связь между их семантикой и семантикой мотивирующего глагола и актантные характеристики отглагольных существительных, в частности возможность выражения второго, объектного актанта.

⁴ Работа поддерживается грантами РГНФ № 08-04-00181а.